

СТАТЬИ ДЛЯ ШУ

ПО ВОПРОСАМЪ

27

ИСТОРИЧЕСКИМЪ, ПОЛИТИЧЕСКИМЪ, ОБЩЕСТВЕННЫМЪ,
ФИЛОСОФСКИМЪ И ПРОЧ.

В. И. Модестова.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1883.

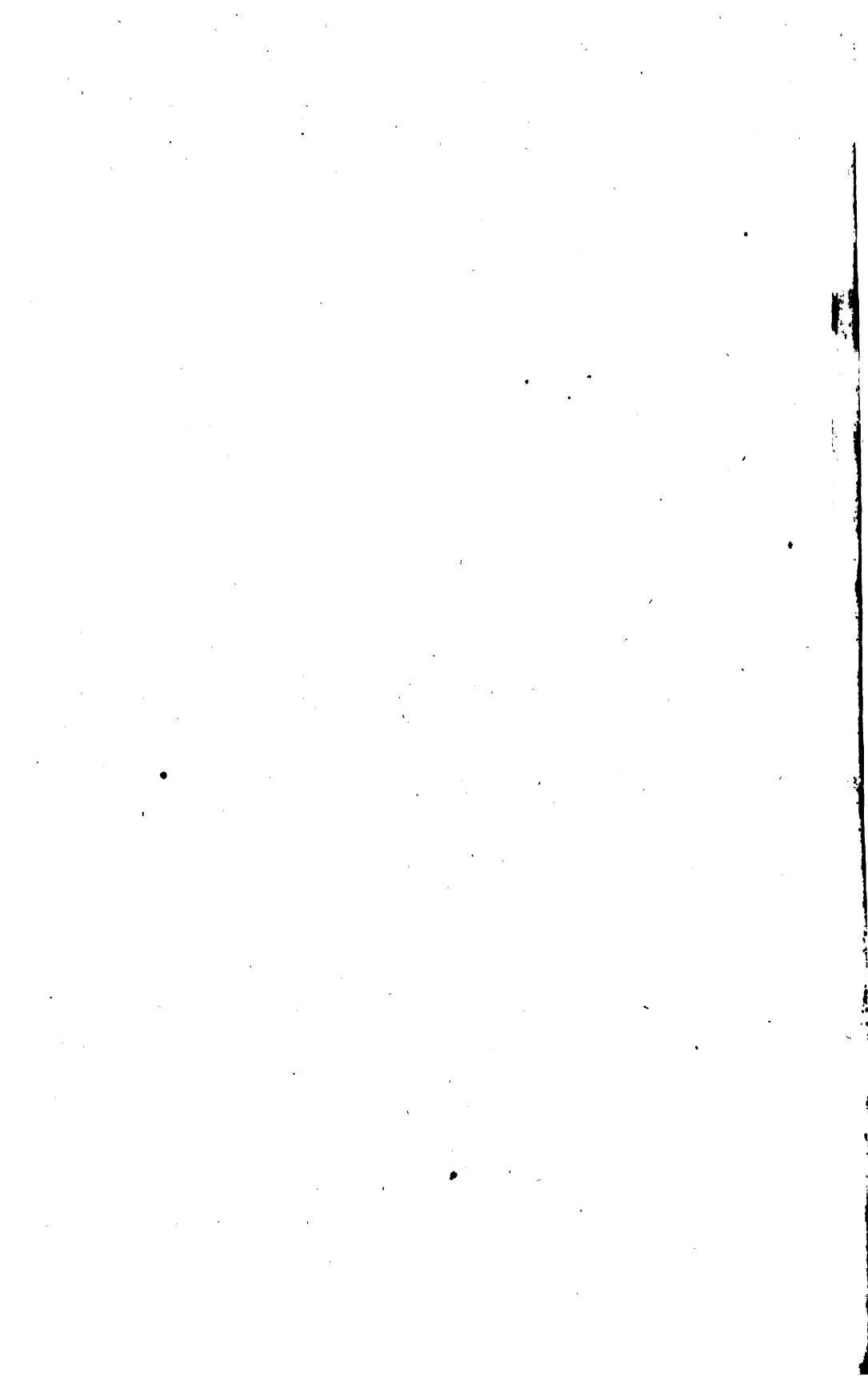

Средняя Подъяческая, № 1.
2148.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловие	1
Законы исторіи	40
Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей	99
Маркъ Аврелій и новая религія	140
Ошибки и раскаяніе	166
Австрійские russkie и львовскій процессъ	189
Провинціализмъ въ политикѣ	208
Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ	227
Университетскій вопросъ	291
О средней школѣ и университетѣ	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьями для публики я называлъ предпринятый теперь сборникъ своихъ разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ сочиненій,—потому, что этимъ я хотѣлъ отличить ихъ отъ другихъ своихъ трудовъ, назначавшихся или для ученыхъ, или для школы. Въ продолженіе своей, болѣе чѣмъ двадцати-четырехлѣтней, литературной дѣятельности, я писалъ не мало въ журналахъ и газетахъ, имѣя въ виду прямо образованную публику, а не ученаго или учащагося читателя. Таковъ былъ и первый мой трудъ, напечатанный въ Библіотекѣ для членія 1858 года, подъ заглавіемъ: Пропансальская поэзія (Октябрь и Ноябрь). Но въ данномъ случаѣ я предлагаю публикѣ сборникъ своихъ статей лишь послѣднаго періода своей жизни, статей, появившихся лишь въ два—три послѣднихъ года, когда литературный трудъ сдѣлался для меня и единственнымъ средствомъ существованія, и единственнымъ средствомъ служенія своему отечеству. Статей этихъ накопилось такъ много, что онѣ могутъ составить нѣсколько томовъ, сами по себѣ, независимо отъ плодовъ моей предыдущей дѣятельности. Но при этомъ еще исключаются цѣлые сотни передовыхъ статей, писанныхъ для Голоса, по преимуществу по разнымъ вопросамъ иностранной политики, начиная съ лѣта 1878 года и кончая половиною июля 1882 года, когда прекратилось мое сотрудничество въ этой газетѣ. Воспроизведеніе подобныхъ статей необыкновенно увеличило бы начатый теперь сборникъ произведеній моего шера за

послѣдніе годы, недоставивъ въ тоже время читателю особенно интереснаго материала для чтенія. Передовыя статьи въ газетахъ имѣютъ слишкомъ случайный и отрывочный характеръ, и чтеніе ихъ, представляющее свой интересъ въ моментъ ихъ появленія, можетъ быть любопытно впослѣдствіи развѣ только съ исторической точки зренія. Какъ бы то ни было, я рѣшился въ данномъ случаѣ, кромѣ того, что напечатано мною за послѣднее время въ журналахъ, собрать лишь то изъ напечатанного въ газетахъ, что имѣеть болѣе или менѣе цѣльный характеръ и что, за немногими исключеніями, было подписано моимъ полнымъ именемъ.

Въ настоящій томъ входятъ статьи, напечатанные мною въ журналахъ: Заграничный Вѣстникъ, Исторический Вѣстникъ и Наблюдатель. Нѣкоторыя статьи, напечатанные въ Наблюдателѣ, отложены мною для другихъ томовъ, гдѣ онъ будуть больше уместа по своему содержанію. Во второй томъ войдутъ по преимуществу газетныя статьи общественнаго характера, воспроизведеніе которыхъ будетъ возможно по обстоятельствамъ переживаемаго нами тяжелаго времени. Въ третьемъ томѣ предположено мною сосредоточить статьи, касающіяся школьнаго вопроса. Значительная часть этихъ статей была уже издана мною отдельно и даже два раза, такъ что въ данномъ случаѣ воспроизведеніе ихъ было бы дополненнымъ (третимъ) изданіемъ прежняго сборника. Относительно дальнѣйшаго собранія своихъ разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ произведеній, теперь не могу сказать ничего положительнаго. Дѣло будетъ зависѣть больше всего отъ пріёма, какой будетъ сдѣланъ публикой первому тому сборника. И второй томъ можетъ не появиться въ скоромъ времени, если изданіе первого не найдетъ себѣ необходимаго для продолженія труда сочувствія и материальной поддержки.

С.-Петербургъ.
18-го Февраля, 1883 года.

ЗАКОНЫ ИСТОРИИ¹⁾.

Les lois de l'histoire, par Louis Benloew. Paris, 1881.

Восемь лѣтъ тому назадъ, въ лондонскомъ критическомъ журналь «Athenaeum», по поводу обилія издающіхся у нась сырыхъ историческихъ матеріаловъ, было сказано: «Къ несчастію для литературы, (въ Россіи) есть много собирателей историческихъ матеріаловъ, но мало историковъ». Съ тѣхъ поръ у нась положеніе дѣла не измѣнилось, а если и измѣнилось, то скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Прежніе исторические писатели, въ произведеніяхъ которыхъ всегда можно было видѣть болѣе или менѣе широкую историческую идею, одинъ за другимъ сошли или сходяты со сцены; преемники же ихъ являются или компиляторами трудовъ иностранныхъ ученыхъ, или, въ погонѣ за самостоятельностью, направляютъ всѣ свои усилія къ открытію или просто къ переписыванію и изданію архивныхъ документовъ, не утруждая себя нерѣдко и самою необходимою ихъ обработкой. Замѣчается какое-то особенное безсиліе у нашихъ писателей по истории къ тому, чтобы создать трудъ цѣльный, освѣщающій эпоху, выясняющій ея значеніе въ цѣпи предшествующихъ и послѣдующихъ историческихъ periodовъ, трудъ, изученіе котораго обогащало бы умъ не новыми только историческими данными, а и новыми мыслями, приводило бы нась къ болѣе глуб-

¹⁾ «Заграничный Вѣстникъ», Декабрь, 1881 г.
модестовъ, томъ I.

бокому пониманію судебъ человѣчества или, хотя бы только своего отечества. Благодаря трудамъ Карамзина, Погодина, Устрилова, Соловьева и, ~~национецъ~~, Н. И. Костомарова, мы, конечно, не можемъ сказать, что у насъ нѣтъ исторіи, какъ говорилъ о своемъ отечествѣ Цицеронъ, не дожившій до трудовъ Саллустія и Тита Ливія; но нельзя не признать, что у русскаго общества почти нѣтъ теперь руководителей въ пониманіи отечественной исторіи, какъ нѣтъ такихъ лицъ, которыхъ могли бы говорить ему съ авторитетомъ о смыслѣ историческихъ явленій у другихъ народовъ, современныхъ или относящихся къ далекому прошлому. Въ этомъ смыслѣ Цицероново *abest historia litteris nostris* можетъ быть приложено къ намъ безъ всякой натяжки.

На западѣ Европы положеніе исторической науки не въ примѣръ лучше нашего. Тамъ, рядомъ съ обнародованіемъ архивныхъ документовъ, идетъ и дѣятельная ихъ обработка, рядомъ съ кропотливыми трудами мелкаго и узкаго интереса, съ трудами посвященными изслѣдованию специальныхъ вопросовъ, решеніе которыхъ иногда имѣетъ дѣйствительное значеніе для пониманія хода исторіи въ данный периодъ, а иногда не имѣетъ ровно никакого, появляется не мало трудовъ, охватывающихъ цѣлую эпоху и старающихся воспользоваться всѣми открытиями для освѣщенія цѣлыхъ историческихъ periodovъ. Во французской, нѣмецкой и англійской литературахъ мы можемъ найти превосходно обработанныя исторіи отдѣльныхъ народовъ; тамъ не только сведены къ единству материалы касающіеся національной исторіи новыхъ народовъ Европы, но и не лежать втунѣ данныхъ, добытыя археологами и лингвистами относительно быта самыхъ отдаленныхъ отъ насъ временемъ народовъ—египтянъ, вавилонянъ, ассириянъ и т. п. Даже судьба первобытнаго, доисторического, ископаемаго человѣчества въ этихъ странахъ, особенно въ Англіи и во Франціи, подвергается тщательнымъ изслѣдованіямъ, и пишутся по этому предмету сочиненія, возбуждающія глубокій интересъ не только массой собранныхъ въ систему какъ раньше известныхъ данныхъ, такъ и новыхъ открытій, но и усилемъ мысли внести въ эти прежнія и новые данные разумное освѣщеніе и сдѣлать изъ нихъ выводы и заключенія, своей широтой и значеніемъ изумляющія записного историка, привыкшаго изучать судьбы человѣчества по письменнымъ памятникамъ. Къ этому нужно прибавить дѣятельныя усиления воспользоваться описаніями быта и вѣрованій племенъ, до сихъ

поръ находящихся на первобытной ступени общественного развитія, и, при помощи такого рода матеріаловъ, доставляемыхъ заслуживающими уваженія путешественниками и миссіонерами, понять состояніе культуры у историческихъ народовъ въ первоначальную эпоху ихъ бытія, памятниками котораго остались лишь отрывочные преданія и уцѣлѣвшія отъ незапамятнаго времени черты въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ.

При всемъ томъ, и въ западной Европѣ раздаются жалобы на недостатокъ трудовъ, въ которыхъ бы исторія человѣчества разсматривалась какъ связное цѣлое, въ которыхъ изслѣдователи жизни отдѣльныхъ эпохъ, народовъ и историческихъ periodovъ не забывали бы, что избранное ими для себя поле исысканій составляетъ лишь часть великаго цѣлага, что эта часть не можетъ быть достаточно ни уяснена, ни понята виѣ связи съ цѣлимъ, безъ уясненія другихъ историческихъ эпохъ и periodовъ, безъ изученія аналогическихъ явлений у другихъ народовъ, безъ стремленія найти въ явленияхъ данного времени дѣйствіе исторического закона, который, конечно, не можетъ быть извлеченъ изъ событий одной эпохи, одного народа, одного исторического periodа. Жалобы эти основательны не въ томъ отношеніи, что существуетъ много ученыхъ, занимающихся разработкой лишь частныхъ историческихъ вопросовъ, изысканіемъ и установлениемъ мелкихъ подробностей, относящихся къ политическимъ или общественнымъ событиямъ въ исторіи: какъ изслѣдование частныхъ вопросовъ, такъ и установление подробностей въ ходѣ событий имѣютъ свое мѣсто въ исторической наукѣ и необходимы для точнаго знанія, которое одно имѣть цѣну при обобщеніяхъ и выводахъ. Жалобы, о которыхъ идетъ рѣчь, находять себѣ въ томъ оправданіе, что огромное множество пишущихъ по исторіи совсѣмъ не выходитъ изъ круга специальныхъ вопросовъ, остается равнодушнымъ къ открытіямъ, совершающимся въ другихъ сферахъ исторического вѣдѣнія, и, гоняясь за мелочами, иногда не имѣющими ровно никакого значенія, совершенно забываетъ о томъ, что есть въ наукѣ главнаго и существеннаго, отвыкаетъ даже отъ представлія исторіи, какъ науки, у которой есть своя задача, господствующая надъ рядомъ фактovъ, крупныхъ и мелкихъ,—науки, которая должна отвѣтить на запросы нашего разума о связи и причинности явлений въ судьбахъ рода человѣческаго, должна, наконецъ, обнаружить свои законы, чтобы имѣть право считаться наукой.

Въ такомъ состояніи историческихъ работъ, при которомъ большинство ученыхъ, копошась въ архивахъ или въ библиотекахъ для отысканія какого-нибудь нового, еще не опубликованного, факта или нѣсколькоихъ строкъ не изданного текста, по видимому и не подозрѣваетъ, какъ много въ этихъ работахъ бесплодного и для науки и для развитія самихъ ученыхъ, въ такомъ состояніи дѣла виноваты не столько отдѣльныя личности, сколько низкій уровень нашего исторического знанія и пониманія. Отдѣльные личности, между которыми даровитость вообще не частое явленіе, не могутъ отвѣтить за то, чего онѣ сами по себѣ дѣлать не въ состояніи. Нельзя требовать преслѣдованія широкихъ задачъ въ занятіи наукой отъ людей, которые способны только на работу черную, подготовительную. Ихъ можно осуждать развѣ за то, что они обыкновенно гордятся своей ограниченностью, только свои зачастую безцѣльные труды считаются учеными, высокомѣрно смотря на тѣхъ, кто добивается въ частныхъ явленіяхъ обнаруженія общаго смысла, кто заглядываетъ въ глубь историческихъ событій и пытается на основаніи широкаго изученія исторического, археологическаго, этнографическаго, статистическаго материала создать цѣльную картину вѣка и такимъ путемъ приблизиться къ пониманію законовъ, дѣйствующихъ въ судьбахъ человѣчества. Такіе историки у массы такъ-называемыхъ специалистовъ называются поэтами, фантазёрами и обыкновенно не считаются за настоящихъ историковъ. Эта масса цѣнить только специальное знаніе, представляя сведеніе его въ стройное цѣлое и извлеченіе изъ него историческихъ законовъ лишь отдаленному будущему.

Состояніе исторического знанія, вертящагося все ёще главнымъ образомъ вокругъ политическихъ событій, дѣйствительно еще таково, что не даетъ возможности создать цѣльную науку исторіи человѣчества, такую науку, по которой мы могли бы прослѣдить общественное и умственное развитіе человѣческаго рода отъ начала до настրяющаго времени и установить законы этого развитія на прочныхъ основаніяхъ. Прежде всего, это начало намъ недоступно, и длиннѣйшій періодъ жизни человѣка на землѣ, опредѣляемый одними въ десятки, а другими—въ сотни тысячъ лѣтъ, застилается передъ нашими глазами полнымъ туманомъ. Отъ этого періода намъ остались нѣкоторые слѣды въ ископаемыхъ предметахъ. Но мы не только не знаемъ тѣхъ народовъ, о существованіи которыхъ намъ говорятъ ископаемые предметы, хотя и догадываемся, что

нѣкоторые изъ нихъ приходится сродни племенамъ, живущимъ на земномъ шарѣ и по настоящее время, для насть не рѣшено даже вопросъ объ единствѣ человѣческаго рода, т. е. о томъ, происходитъ ли все жившее и теперь живущее человѣчество отъ общихъ прародителей, или на землѣ появились разныя породы людей въ разныхъ мѣстахъ, независимо однѣ отъ другихъ, каждая отъ своихъ особыхъ праотцевъ. Вопросъ важный и существенный для объясненія позднѣйшаго хода жизни въ человѣческихъ обществахъ. Итакъ, самый большой періодъ жизни человѣка на землѣ, періодъ, подготовившій наступленіе исторической жизни, представляется намъ чѣмъ-то заоблачнымъ, о чёмъ мы можемъ сдѣлать тѣ или другія заключенія, но относительно чего мы не можемъ сказать, ни того, какъ оно началось, ни того, какъ оно продолжало свое существованіе и дошло до степени ископаемой теперь культуры, ни того, какъ совершился переходъ къ бытію историческому. Да-лѣе, первоначальная исторія древнѣйшихъ государствъ теряется для насть во мракѣ преданій, въ которыхъ трудно доискаться дѣйствительной почвы, да и многое въ продолженіе ея для насть остается темнымъ. Письменные памятники, въ которыхъ еще Титъ Ливій видѣлъ единственно вѣрное хранилище воспоминаній о временахъ минувшихъ, начались поздно, долгое время были рѣдки и, наконецъ, въ огромной массѣ потерялись для потомства. Свѣдѣнія наши о племенахъ, выступающихъ передъ нами на зарѣ исторіи, о скрещиваніи различныхъ расъ, о ходѣ вліянія культуры одного народа на культуру другихъ народовъ смутны и во многихъ случаяхъ оставляютъ насть въ полномъ недоумѣніи. Даже многіе изъ теперь живущихъ народовъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Океаніи, намъ почти неизвѣстны. Исторія европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ, въ главныхъ своихъ чертахъ установлена прочно, но эпоха переселенія этихъ народовъ изъ Азіи въ ихъ нынѣшнія обиталища, тотъ періодъ ихъ жизни, въ продолженіе котораго зародились ихъ національныя особенности, такъ сильно отразившіяся на дальнѣйшей ихъ судьбѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, продолжаютъ пребывать для насть въ полномъ туманѣ. Словомъ, несовершенство нашихъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній еще такъ велико, что можетъ служить значительнымъ оправданіемъ господствующей теоріи, по которой въ настоящее время самое безопасное и цѣлесообразное дѣло вѣрно издавать памятники

письменности и ограничиваться ближайшимъ разсмотрѣніемъ фактовъ и событій, доступныхъ научному изслѣдованію, и избѣгать всякихъ общихъ построеній и выводовъ.

Тѣмъ не менѣе, общія историческая построенія и выводы въ извѣстныхъ границахъ и теперь являются необходимыми. Въ послѣднія десятилѣтія предѣлы исторіи значительно раздвинулись. Ископаемый человѣкъ, жившій въ отдаленнѣйшую пору, оставилъ не мало слѣдовъ своего существованія; живущія еще въ первобытныхъ условіяхъ нѣкоторыя племена, остатки до-исторического человѣчества, стали намъ извѣстны и даютъ возможность яснѣе представить себѣ картину человѣческаго быта въ дикомъ состояніи; лѣтописи древнѣйшихъ государствъ — Египта, Ассирии, Вавилона, Китая — раскрываются все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ; многое, что относилось прежде къ области миѳическихъ сказаний, стало находить себѣ подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ географовъ, археологовъ и лингвистовъ; сравнительное изученіе языковъ, литературъ, религіи, общественного и юридического быта сдѣлало огромные успѣхи; статистика все болѣе и болѣе вычеркиваетъ изъ сферы случайностей общественныхъ явлений, въ которыхъ прежде не видѣли ничего необходимаго и правильнаго; наконецъ, не только другія науки, имѣющія своимъ предметомъ изученіе человѣка, какъ антропология, народная психологія, приходятъ теперь на помощь историку, но и науки естественные, какъ палеонтология, геологія, климатология, и даже математическая, какъ астрономія, освѣтили теперь не одну темную точку въ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ, почва для научнаго взгляда на исторію человѣчества представляется гораздо болѣе прежняго подготовленною и расчищеною.

Какъ бы то ни было, передъ нами книга, носящая заглавіе: «Законы исторіи», книга смѣлая по идеѣ и заслуживающая вниманія по исполненію. Говоримъ смѣлая не потому, что идея писать философію исторіи, указать на законы, управляющіе развитіемъ человѣческихъ обществъ на всемъ протяженіи исторического бытія, была новая и вплоть до нашихъ дней не находила приложенія. Еще за полтора вѣка передъ этимъ, неаполитанецъ Вико въ своей знаменитой «Новой наукѣ» (*Scienza nuova*) старался выяснить «общую природу народовъ», указать на «общіе и вѣчные законы», которыми управляетъ міръ человѣческій. Эти общіе за-

коны онъ извлекъ преимущественно на основаніи изученія римской исторіи, причемъ онъ усмотрѣль въ ходѣ развитія древняго міра три періода: теократический, героический и человѣческій, которые повторились, по его мнѣнію, и у новыхъ народовъ. Трудъ Вико былъ дѣйствительно смѣлой попыткой подчинить исторію опредѣленнымъ законамъ, если взять во вниманіе состояніе историческихъ знаній въ первой четверти прошлаго столѣтія, сравнительно съ расширеніемъ ихъ въ наше время. Правда, эта узкость сферы исторіи, при которой древній классической міръ естественно былъ не только исходнымъ пунктомъ, но и средоточіемъ историческихъ свѣдѣній и понятій, могла только облегчить задачу автора не въ смыслѣ, конечно, ея рѣшенія, а въ смыслѣ формальной обработки. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, «Новая наука» гениального итальянца внушительно указываетъ какъ на раннее проявленіе въ ученомъ мірѣ потребности разобраться въ хаосѣ историческихъ явленій, такъ и на возможность удовлетворить этой потребности въ мѣру общаго состоянія науки и развитія философской мысли въ данное время. Что трудъ Вико не пропалъ даромъ, что онъ сдѣлалъ важный шагъ на пути къ уясненію задачи, которая, быть можетъ, никогда не найдетъ окончательного рѣшенія, — это доказывается вниманіемъ, какое было возбуждено къ нему въ нашемъ столѣтіи, и новыми попытками отыскать путеводную нить въ развитіи судебъ человѣчества. Сюда относятся труды Гердера и Балланша, и мысли нѣмецкихъ философовъ — Фихте, Шеллинга, Гегеля и Ганса, на которыхъ авторъ «Законовъ исторіи» смотритъ какъ на своихъ предшественниковъ въ рѣшеніи вопроса.

Авторъ этой книги, г. Лудовикъ Бенлѣвъ, по происхожденію нѣмецкій еврей, по образованію филологъ. Образованіе это онъ получилъ въ нѣмецкихъ университетахъ, въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Геттингенѣ. Но общественная дѣятельность его была посвящена Франціи. Сначала онъ былъ преподавателемъ иностраннѣй языковъ въ Нантѣ, а затѣмъ въ Бургѣ, послѣ того сдѣлался библіотекаремъ Сорбонской библіотеки въ Парижѣ, откуда поступилъ профессоромъ древней литературы въ дижонскій словесный факультетъ и достигъ въ немъ званія факультетскаго декана. Ученые труды его относятся частію къ сравнительному языкознанію, частію къ древней филологии, исторіи и литературѣ. Таковы: «Объ удареніяхъ въ индо-европейскихъ языкахъ» (Парижъ 1847), «Объ

щій проспектъ сравнительного языкознанія» (1858), «Общая теорія латинскаго ударенія» (1853), «О некоторыхъ чертахъ первоначального языка» (1863), «Семиты въ Илонѣ, правда о троянской войнѣ» (1863), «Краткая теорія ритмовъ» (1862), «Опытъ о духѣ литературы» (1870), «Послѣднее слово о прозаикахъ» (1871¹⁾).

Г. Бенлѣвъ не принадлежитъ къ первокласснымъ ученымъ; имя его известно, особенно среди филологовъ, но оно не громко. Это— не Ренанъ въ знаніи семитическихъ языковъ, не Боппъ и даже не Бреаль въ области языковъ индо-европейскихъ, не Беккъ въ классической филологии, не Дункеръ въ древней исторіи, вообще это не такой ученый, имя которого заранѣе непремѣнно располагало бы въ пользу его сочиненія, въ особенности столь широкаго содержанія, какое необходимо должна имѣть книга, говорящая о законахъ исторіи. Сочиненіе такого рода требуетъ ума не дюжиннаго, способнаго къ широкимъ комбинаціямъ, богатаго идеями; оно требуетъ учености разносторонней и въ то же время закаленной въ строгой школѣ специальности; оно требуетъ твердаго метода, какой вырабатывается цѣлымъ рядомъ трудовъ тщательныхъ, самостоятельныхъ, самыхъ добросовѣстныхъ въ научномъ отношеніи. Нельзя сказать, чтобы г. Бенлѣвъ стоялъ вполнѣ на высотѣ всѣхъ этихъ требованій: умъ его развить и богать мыслями, но сила его умѣренна; его историческое образованіе не полно и въ наибольшей части не самостоятельно; служащее опорой всего труда, его специальное знаніе не всегда даетъ чувствовать свою силу и оказывается не вездѣ состоятельный; методъ его выработанъ, но авторъ не вездѣ ему слѣдуетъ и не одинъ разъ уклоняется отъ него въ сторону. Несмотря на все это, «Законы исторіи» — трудъ интересный и заслуживающій вниманія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вопросами, передъ которыми умъ мыслящаго человѣка невольно возбуждается и настраивается къ вниманію. Вопросы эти затрагиваются здѣсь несомнѣнно голова свѣтлая и даетъ на нихъ отвѣтъ, если не убѣдительный, то во всякомъ случаѣ глубоко обдуманный и серьезнѣйший.

¹⁾ Біографическія данныя о г. Бенлѣвѣ заимствованы нами изъ «Біографическаго Словаря современныхъ писателей» (Dizionario biografico degli scrittori contemporanei) г. Губернатиса.

Но обратимся, наконецъ, къ самому сочиненію. Начинается оно «введеніемъ», въ которомъ авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе читателя на стоящій на первомъ планѣ передъ мыслителемъ, разсуждающимъ о законахъ исторіи, фактъ, что, несмотря на древность міра, исторія человѣчества еще очень коротка. Она не восходитъ дальше шести тысячъ лѣтъ въ древность, и если даже мы дойдемъ только до сего поколѣнія въ прошедшемъ (что равняется пяти тысячамъ лѣтъ), то и на этомъ разстояніи она перестаетъ уже дѣлаться связной и теряетъ характеръ достаточной достовѣрности. Затѣмъ, указавъ на неточность опредѣленія историками конца древней и средней исторіи, авторъ ставить очень важный вопросъ о томъ, когда начинается древняя исторія. Перебравши библейскія даты разныхъ редакцій, относящіяся къ опредѣленію времени мірозданія, онъ обращается къ даннымъ, касающимся начала древнѣйшаго государства въ свѣтѣ, Египта, и принимаетъ (впрочемъ, безъ указанія основаній) 4,500 лѣтъ до Р. Х. какъ наиболѣе подходящую къ истинѣ дату начала египетской гражданственности. Если Денсусъ относить начало царствованія Мепеса, первого царя Египта, въ 3892 году до Р. Х., то это дата, ниже которой уже не позволяютъ спуститься лѣтописи государства фараоновъ. Важно замѣтить при этомъ, что египтяне вели правильный счетъ годамъ по крайней мѣрѣ съ 2783 года до христіанскаго лѣтосчисленія. Но за то историческія преданія другихъ древнѣйшихъ народовъ — египетовъ, вавилонянъ, ассириянъ — вообще не восходятъ и за двѣ ст. половиною тысячи лѣтъ до христіанской эры; развѣ только китайская хронологія можетъ достигать 2700 лѣтъ до Р. Х. Такимъ образомъ первыя полторы, двѣ тысячи лѣтъ человѣческой исторіи, привязанной къ опредѣленнымъ именамъ и событиямъ, покоятся исключительно на преданіяхъ Египта, где появилась и первая на свѣтѣ письменность, безъ которой авторъ лежащей передъ нашими глазами книги не признаетъ существованія дѣйствительной исторіи: положеніе вѣрное, хотя и подлежащее ограниченію, такъ какъ памятники искусства и даже простого житейскаго быта нерѣдко говорятъ о настоящей исторіи угасшихъ человѣческихъ обществъ краснорѣчивѣ сухихъ лѣтописей и официальныхъ записей о подвигахъ царей и полководцевъ. Продолжая вводить читателя въ предметъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденій, авторъ указываетъ на разобщенность древнѣйшихъ народовъ, от-